

Жена придворного Шута

Алиса Самойленко

Алиса Самойленко
Жена придворного Шута

«Автор»

2026

Самойленко А. Б.

Жена придворного Шута / А. Б. Самойленко — «Автор», 2026

Ты умна, хороша собой. У тебя есть любящие родители и верные подруги. У тебя есть редкий дар — видеть мир таким, каков он есть. Дар, который может сделать тебя незаменимой или опасной. И у тебя есть работа, от которой не отказываются. Присматриваешь за последним наследником свергнутой династии, Шутом, над которым смеётся весь двор. Тем, за кого тебя собираются выдать замуж. И есть другая жизнь. Любимое дело, в котором ты действительно хороша. Человек, с которым легко смеяться, но невозможно представить будущее. И если ты точно знаешь, что настоящее, а что — нет, что ты выберешь?

© Самойленко А. Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1, в которой происходит невероятно яркое и настолько же ужасное событие, потрясшее величайшие и древнейшие умы нашего общества.	5
Глава 2, в которой материнская гордость за свое дитя разбивается о дочернее стремление к независимости.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Алиса Самойленко

Жена придворного Шута

Глава 1, в которой происходит невероятно яркое и настолько же ужасное событие, потрясшее величайшие и древнейшие умы нашего общества.

Девчата, соседки по комнате, снова выясняли, кто первый пойдет в душ. Если у Дины настроение было хорошее, то первой обычно в душ шла Азалия. Если же Дина была невыспавшаяся, то мы с Заей шли на пары невымытые, так как подруга успевала занять душ первая и надолго. Хорошо, что она почти всегда высыпается.

Настенный излучатель арбау транслировал в комнату запах свежеевыпеченного хлеба и вид на цветущие луга, но я знала, что за окном серый пустырь, а из душа пахнет сыростью и мылом с натуральными ароматами. Зная мою особенность, родители не скупятся на создание правдивого комфорта.

Я открыла глаза и уставилась в потолок. В иллюзии он сиял лазурью, по словам подруг, но я видела косую трещину, которая за год продвинулась еще на десять сантиметров.

— Да иди уже, иди, — добродушно сказала Дина Азалие и продолжила, уже обращаясь ко мне, — Ты видела? Ректор обещал, что на сегодняшнем показе арбау будет таким плотным, что мы сможем буквально потрогать облака! — Дина мечтательно вздохнула, — дома мне такого никогда не увидеть

Я хмыкнула:

— А мне такого совсем никогда не увидеть. Ни дома, ни в академии

— Мне тебя искренне жаль, детка, но пора бы уже привыкнуть, — без тени жалости сказала моя любимая язва.

Садясь на кровати, я состроила грустную морду. Потом все-таки решила обидеться и поплакать в подушку. Ну ладно... Не поплакать... Просто порычать, кусая перья через наволочку. Такое от досады быстрее помогает.

— Побереги зубки, благороднейшая, пригодятся еще родственничкам демонстрировать, — хмыкнула Дина и ушла в душевую на смену Азалии.

— Я тоже хочу облака потрогать, — стала объяснять другой подруге в ответ на её поднятую бровь, — и нюхать то что вы нюхаете, и ощущать то, что вы ощущать можете. И красоточкой себя видеть хочу, и всех хочу видеть самыми распрекрасными, — продолжала ныть, но Зая тоже не хотела меня жалеть, — злые вы... Брошу вас с Динкой, — закончила я, выбираясь из-под одеяла.

Азалия не поверила. Я бы и сама себе не поверила, просто так сказала. Душу отвести. Куда я от них? Кто еще мои жалобы так спокойно выслушивать будет или подбадривать? Учиться еще два года, хотя не знаю, имеет ли смысл? Теорию магии я знаю на зубок, а вот практики мне не видать, как своего затылка. Я, кстати, один раз попробовала быстро-быстро повернуться к зеркалу, чтобы успеть рассмотреть, что мне там Зая накрутила сзади из волос, когда укладку делала. Эксперимент чуть не завершился моим скоростным шеесворачиванием. Сколько живу, ниразу этот трюк не удался. Может брат, все-таки обманул меня в детстве, говоря что все получится и скорость важна?

Так вот, практики мне не видать как своего затылка. Отец строго настроен запретил кому-либо рассказывать о своем изъяне, но от соседок по комнате разве что-то можно скрыть? Они догадались еще на первом курсе через месяц, но верно хранили мой секретик. Никто из пре-

подавателей не догадывался, что дочь известного разработчика не подвержена влиянию арбау. Когда мой мозг отказался воспринимать вибрации излучателей я была совсем маленькой. С тех пор я чувствую реальность, а не придуманные навязанные извне иллюзии. Конечно я буду стараться и дальше учиться изо всех сил, когда начнутся специализации, но от моих усилий удача не увеличится. Сегодня, к примеру, я должна буду продемонстрировать курсовой проект "Вечное цветение". Но сама его не увижу. Это как вязать наощупь: как все должно выглядеть и что делать ты знаешь, но если нет за плечами многолетней практики результат малопредсказуем.

Наконец, три грации в образе наших персон, собрались и выплыли из комнаты, чтобы доказать преподавателям, что мы не просто красивые. Впереди шла гордая Азалия Кунич, слева и чуть позади от неё умная Динара Юзадэ, а справа — благородная и возвышенная наношпильками я — Маяна Данишмен. Небесная Кобылица, не навернуться бы с них!

Сдача курсовой стояла в расписании через два часа. Полно времени чтобы успеть разволноваться на завтраке, разбить чашку кофе с опрокидыванием содержимого на себя и успеть сбежать переодеться. Зато не навернулась. Кто молодец? Я — молодец!

Если верить Зае, зал для демонстраций в иллюзии напоминал сегодня античный храм: анфилады белоснежных колонн, парящие под потолком цветочные гирлянды и мягкий золотистый свет. Я же видела обычную аудиторию-амфитеатр с деревянными партами. На моей так вообще было нацарапано имя ректора в сердечке. Неизвестная наивная глупышка думала, что ректор — высокий, могучий, голубоглазый красавчик с аристократичной бородкой. Зря она так... Из бороды у него три волосинки в два ряда, а красавчиком он был разве что во времена моей прабабушки.

Вскоре после того как студенты расселись, внизу стали появляться преподаватели из состава комиссии.

А когда пришаркал и наш главный объект женских мечтаний — глава Нарайской Академии Арбау, двери аудитории закрылись. Он начал торжественное выступление.

— Вот уже который год подряд, — вещал он своим скрипучим голосом, который лично для меня был едва слышен, но, поскольку, вся женская аудитория замерла боясь вдохнуть, речь ректора была вполне различима, — наше учебное заведение готовит лучших специалистов для создания благоденствия всего нашего народа. Так посмотрим же, чему вы научились на наших курсах. Сейчас каждый представит свой проект цветущего сада. Прошу, покажите нам триумф жизни над увяданием.

Дальше для меня были пара часов полнейшей скуки. Окружающие восторженно вздыхали и аплодировали, проверяющие удовлетворенно кивали и что-то записывали, а выступающие неестественно размахивали руками и иногда выкрикивали странные звуки. Один даже слюнями побрызгал, но вроде в управлении магией иллюзии нет таких ритуалов, так что это у него была, буквально, "отсебятина" во всех смыслах.

Подруги уже успели выступить. Получили отличные баллы за свои проекты и теперь спокойно обсуждали чужие выступления. Но я не вслушивалась, так как все равно не смогу увидеть тему их разговора.

Дошла и до меня очередь. Волноваться я уже устала, да и было бы о чем... Если меня отчислят, то ничего ужасного не случится. Работа с арбау меня по настоящему никогда не привлекала. Личные проекты всегда были интереснее, чем отработка правдоподобности чужих иллюзий. Теорию я знала. Нужно в районе груди принять в себя вибрации арбау, направить вверх и, вложив заготовленные в мельчайших подробностях образы, направить в ретранслятор. Моя проблема была в том, что я не могу чувствовать изначальные вибрации так же как остальные. С фанатазией, наоборот, у меня никогда проблем небыло.

Сегодня у каждого была первая большая публичная иллюзия. По мелочи и на дешевых усилителях так или иначе каждый что-нибудь придумывал. Даже я до этого нет-нет да и пыталась создать чего-нибудь на родительском приборе.

Однажды в детстве решили мы с братом сходить на ночную рыбалку. И, чтобы не тревожить няню, я придумала сделать иллюзию себя в кровати. Результат мне был не интересен, я просто убежала с Ниязом, не особо заморачиваясь. По возвращении к завтраку, весь дом стоял на ушах. Оказалось, что вместо себя я оставила гротескную ужасную иллюзию, с ломанными пропорциями и разной длиной конечностей. Когда няня нашла "свою детачку", её чуть удар не хватил, потому что мой клон сумел сесть в кровати и улыбнуться.

С курсовым проектом цветущего сада, думаю, все должно быть гораздо проще, так как если они даже получатся неудачными, всегда можно списать на природную неповторимость. В своих расчетах я была уверена. Хотя после экзамена еще и стойкость морока будут оценивать, но мне даже пол часа за счастье станет.

Я встала лицом к казенному арбау. Обернулась на подруг, которые решили подбодрить меня жестами, и поскорее отвернулась, чтобы развидеть их дурачества. Попробовала ощутить зуд за солнечным сплетением, и в очередной раз поняла, что ничего не получится. Представила удивительные яркие цветы, пахнущие предгрозовым летом, бабочек, порхающих от одного пышного соцветия к другому, легкий ветерок, колышущий травянистую зелень. Но Зая с Диной то и дело влезали в эту идиллию со своими прекрасными выпученными глазами и изящными отмахиваниями друг от друга. Я представила зуд посередине лба и направила все свои фантазии вовне.

Для меня ничего не изменилось, но кажется, что всю свою удачу я истратила во время утренних переодеваний. В зале воцарилась долгая пауза.

Поначалу недоуменно, а затем — неприязненно, люди оглядывались.

— Да как ты посмела! — послышался голос ректора. — Немедленно вон отсюда, неблагодарная девчонка! Завтра утром чтобы с родителями пришла!

А что я такого сделала? Ничегошеньки... Пожав плечами я отправилась на выход. Надеюсь девчонки объяснят потом, что случилось.

Подруги вернулись в комнату вскоре после меня. Всех участников аттестации разогнало. Оказалось, что все личные фиксаторы вышли из строя. В академию вызван магический надзор.

— Что ты сделала? Как тебе вообще это удалось? — спросила Зая.

— Ничего я не делала! Фиксаторы так-то вообще от постороннего влияния закрыты наглухо, это даже дети знают.

— Да, поэтому все и растеряны, как это возможно. Самое интересное, что у студентов минимум изменений во внешности и они просто ржут друг над другом, а у преподавателей больше иллюзий, так им не до смеха.

— Представляешь, никто даже не подумал, что старичок сбежавший первым — это и есть ректор. Они все думают, что случайный гость забрел поглядеть, — смеялась Дина, — если бы ты не говорила нам об этом раньше, я бы и сама не поверила.

Ближе к вечеру в академию прибыл магический надзор. Всех свидетелей стали вызывать по очереди. В соответствии с протоколом аттестации. Когда Дина отправилась давать показания, я занервничала. Хотела сбежать на коммутатор, попробовать связаться с родителями, но угрожающе вежливый человек за дверью попросил вернуться в комнату.

Через пару часов в комнату вошёл отец.

— Собирайся. После разговора со следователем мы сразу поедем домой. Ты расстроила мать.

Через некоторое время пригласили наконец и нас. Перед дверью аудитории, где проводился допрос, отец придержал меня за руку с указанием подождать здесь, а сам вошёл внутрь. Спустя пять минут Отец вышел и мы поехали домой, а следователя я так и не увидела.

Мама ждала нас в главной гостиной.

— Что случилось девочка моя?— спросила она.

— Не знаю, но что-то очень непонятное. Я ничего не делала, а у всех присутствующих личные фиксаторы пришли в негодность. В академию прибыл магический надзор для разбирательства.

— Ну ничего - ничего... Подумаешь... Фиксаторы поломались. Папа им новые купит.

Даже с бесплатным доступом к городским арбау. Ещё спасибо скажут тебе, что ты им старые сломала.

— Мам... Я ничего не ломала!

— Не ломала, хорошая моя, не ломала,—всплеснула она руками,— пойдем перекусим чего-нибудь, худышка моя сладкая.

Глава 2, в которой материнская гордость за свое дитя разбивается о дочернее стремление к независимости.

На следующий день к нам в дом пришел следователь. Сначала он снова переговорил с родителями наедине, а через время пригласили и меня.

— Здравствуйте, я Ленар Дарей — представился он, — мне нужно задать вам ряд вопросов касательно произошедшего в академии...

Я согласно кивнула, предлагая приступить к делу. Иначе боюсь, как бы не затянулось эта аудиенция надолго. Там и чай от матушки подоспеет, потом она захочет оставить его на ужин, чтобы мы пообщались с ним в более непринуждённой обстановке. Я её вкус знаю. Следователь выглядит представительно даже без иллюзии, и брачных обетов не приносил, судя по рукам. Матушка вон, уже глазами стреляет, таинственные сигналы подает. Я повернулась в сторону господина Дарей и постаралась исключить маму даже из бокового зрения. Чуть шею не свернула, потому что Селинэ Данишмен может быть очень настойчивой.

Надо лишить её всех возможных рычагов управления, поэтому я снова встала и с каменным выражением лица закрыла дверь на ключ, спрятав его в карман. Брови господина Дарей поползли вверх, а папа смотрел с усмешкой на женские баталии. Он давно привык, что мама мечтает выдать меня за какого-нибудь очень полезного обществу красавчика.

Не оставляя маме ни шанса, я так же спрятала в карман колокольчик для призыва помощников.

— О чем же вы хотели меня спросить? — обратилась я к следователю, пытаюсь выглянуть из-за загородившей обзор матери. Она в это время расстегивала мне верхнюю пуговицу. Я отпихивала её руки и застегивала обратно. Мама вышла на новый уровень своей настойчивости, я не была к этому готова, поэтому схватила накидку с соседнего кресла и обмоталась со словами — что-то прохладно... Кабинет давно не топлённый, что-ли?

Ленар тянул шею в попытке разглядеть происходящее, но с места вставать не стал.

— Госпожа Маяна, расскажите, что произошло. Все свидетели уверяют, что вы вывели из строя их частные арбау-фиксаторы. Если этот факт подтвердится, то вас ждет суровое наказание в соответствии с установленным законодательством.

— Я ничего не делала, согласно инструкции просто представила, что хотела бы воплотить в иллюзии.

— Скажите, вы когда-нибудь до этого работали с ретрансляторами?

Я замялась. Официально нелицензированным гражданам запрещено использовать арбау для создания своих иллюзий, не официально же любой студент по чуть-чуть, если не полную, то хотябы просто визуальную иллюзию да накладывал.

— Как и все, ничего особенного, — наконец нашла что ответить, — если чужое имущество и пострадало из-за каких-то моих действий, то это досадная случайность.

— Это судьба, господин следователь, — вставила мама, — наша Маяночка ангел во плоти, и если по ее вине и случилось что-то, значит сама Великая Кобылица тому поспособствовала! По своей воле наша дочь никогда не стала бы вредить окружающим. Чтобы таких недоразумений больше небыло, ей нужна крепкая мужская рука, вы не считаете?

Папа нахмурился, давая маме понять, что она перегибает, а следователь смутился, но спокойно заметил:

— Разберемся, госпожа Селинэ, — и, поняв что прозвучало двусмысленно, поспешил уточнить, — кто и чему поспособствовал. И всё же, — снова обратился ко мне, — опишите сам момент. Что именно вы представили?

Я на секунду опустила взгляд, пряча лишние мысли.

— Ничего сложного: летний предгрозовый вечер. Всё по инструкции.

— По инструкции не предусмотрено воздействие на чужие устройства, — спокойно заметил он.

— Вот именно, — я пожала плечами. — Поэтому я и говорю — если что-то и произошло, то это случайность.

— Когда вы формировали иллюзию вы ощущали что-то необычное? — спросил следователь. — Давление, шум, возможно — попытку вмешательства в вашу иллюзию?

Я чуть помедлила, не говорить же ему, как в мое воображение то и дело вмешивались образы Заи и Дины.

— Нет, — ответила ровно. — Ничего сверхъестественного.

— То есть никаких отклонений? — уточнил он.

— Никаких, — повторила я.

Он некоторое время молча смотрел на меня, словно пытаясь зацепиться за что-то ещё, затем перевёл взгляд в блокнот.

— И после этого все устройства вышли из строя?

— Да. Сначала никто ничего не понял, на месте ректора оказался какой-то старичок, начал орать на меня, — сымпровизировала я, как если бы видела то, что произошло.

— Кто находился ближе всего к вам?

Я назвала имена членов комиссии, которые он поспешил записать. Когда шорох карандаша по бумаге затих, следователь поднял на меня взгляд.

— Любопытно. Вы сможете повторить то, что вы делали на защите?

— Думаю, это лишне, — наконец подал голос папа, — не зависимо от того испортились фиксаторы по вине моей дочери или нет, мы возместим все убытки с лихвой.

— При всем моем уважении, господин Данишмен, кому как ни вам не знать, что арбау — предмет контроля владыки и выход из строя любого другого приспособления можно было бы замять, но дело касается государственных интересов.

Мама тихо рассмеялась:

— Ну что вы, какие государственные интересы? Там иллюзий-то у студентов было не намного больше, чем молока у птиц.

— Дело не в объеме, а в том что кто-то сумел вывести из строя устройства, защищенные от чужого воздействия. Если так дальше пойдет, то кто-нибудь догадается, как можно перезаписать иллюзии, которые в них хранились. При целенаправленном вмешательстве на все фиксаторы одновременно возможно начнутся беспорядки. А это уже проблема безопасности масштабов страны — пояснил следователь без прежней мягкости.

После этих слов отец перестал улыбаться.

— Селинэ, выйди, — тихо сказал он.

Мама спорить не стала. Уходя, она демонстративно забрала ключ и сдёрнула с меня покрывало, давая понять, что шутки закончились.

Отец дождался, пока за мамой закроется дверь, и поднялся с места.

— Видимо, нам стоит говорить откровеннее, господин Дарей, — произнёс он. Такая тяжесть в его голосе, как правило, отбивала у меня всякое желание спорить.

Господин Дарей заинтересованно подался вперёд:

— Я внимательно слушаю.

Что-то мне подсказывало, сейчас меня начнут выводить на чистую воду.

— Вы спрашивали, могла ли моя дочь повлиять на арбау, — проговорил папа. — Ответ — возможно.

Ощущение, что меня предали. Отец сам убеждал скрывать мою магическую слепоту. Но может быть, он знает, как выйти из этой ситуации с минимальными потерями?

Следователь снова откинулся на спинку кресла, как будто всё для себя уже решил.

— Продолжайте,— предложил он.

Папа сцепил руки за спиной и, собравшись с мыслями, вымолвил:

— В детстве Маяна жила в очень удачной иллюзии. Мы тогда только начинали разработки слуховых арбау. Это была демонстрационная среда — стабильная, насыщенная, максимально приближённая к реальности.

Он никогда не говорил о тех событиях в таком ключе.

Счастливейшая иллюзия — вот каким было на самом деле мое детство.

— У неё был брат, — продолжил он. — Близнец.

Следователь коротко кивнул, делая пометку в блокноте.

— Нияз получил травму после падения с лошади. Долгое время находился в тяжёлом состоянии. Мы — отец на секунду замялся, подбирая слова, — решили не разрушать для Маяны привычную картину мира.

Я потёрла лицо ладонями, желая оказаться в другом месте. Не слышать этого снова, не переживать.

— Вы скрыли от неё состояние брата с помощью иллюзии? — уточнил следователь.

— Да... Это была ошибка, — добавил папа.

Впервые на моей памяти в папином голосе послышалось раскаяние.

— В какой момент произошёл перелом? — спросил Дарей.

Отец с сожалением посмотрел на меня, а я прикрыла глаза, так как хорошо помнила произошедшее.

— Она пришла к нему утром,— сказал папа, — иллюзия работала безупречно.

Маяна видела здорового спящего мальчика. Всё было как раньше.

— Но? — гнул свою линию следователь.

Отец опустил взгляд.

— Но Нияз был холодным, — горестно закончил он.

— Иллюзия тогда воздействовала только на зрение, — цинично заметил господин Дарей.

— Да тактильный отклик тогда еще не был разработан.

— И это вызвало реакцию... — задумчиво произнес следователь.

— Психоэмоциональный шок вывел её из зоны доверия к арбау, — кивнув, согласился отец. — С тех пор у неё сформировалась устойчивая невосприимчивость. Современные системы воздействуют на все органы чувств. Но для неё они не существуют.

— Иммуитет? — наконец уточнил господин Дарей, после недолгих размышлений.

— Если угодно.

— И при контакте с арбау

— Система получает конфликт, — спокойно сказал отец. — Отсутствие отклика воспринимается как сбой. При достаточной нагрузке — каскадный. Когда я отправлял Маяну учиться, надеялся, что в среде студентов её способность воспринимать иллюзии восстановится, потому что это основа современного мира. Но время и произошедшее на защите показали, что до ретранслятора её лучше не допускать.

Теперь мне всё более-менее стало понятно, но что с этим делать и как дальше жить?

— Именно поэтому, — добавил отец чуть тише, — я предпочёл бы, чтобы эта информация не выходила за пределы данной комнаты. Следователь откинулся на спинку кресла, внимательно глядя то на него, то на меня.

— Вы понимаете, что это невозможно?

— Я понимаю, — ответил отец. — Поэтому и говорю с вами.

— Это уже не вопрос дисциплинарного нарушения, — наконец сказал Дарей. — Это стратегическое преимущество. Или угроза.

Я тихо усмехнулась:

— Звучит ободряюще.

Никто не улыбнулся, и стало окончательно ясно, что ничего уже не будет как прежде.

Ленар Дарей закрыл блокнот и провёл пальцем по обложке, прежде чем кивнул каким-то своим мыслям..

— На этом мы пока прервемся.— бросил он находу, направляясь к двери, но, уже взявшись за ручку, обернулся.

— До выяснения обстоятельств — чуть повернул голову в мою сторону и добавил,

— прошу вас не покидать Нарайю.

— Это обязательное требование? — уточнил отец.

— Формальность, — ответил следователь, и в этот раз даже позволил себе лёгкую улыбку.

— В интересах вашей же безопасности.

Ни я, ни отец не поверили.

В гостиной мама встала ему навстречу:

— Уже уходите? Как жаль, я как раз велела подать чай.

— В другой раз, госпожа Селинэ, — мягко перебил её Дарей, и, не задерживаясь, вышел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.